

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ ИСААКЯНА

А. В. ИСААКЯН

Первые переводы поэзии Исаакяна на русском языке появились в конце XIX века. 26 ноября 1899 г. в Киеве в еженедельной газете «Россия и Азия» были опубликованы переводы стихотворений Исаакяна: «Полный светлой любви...» и «Посмотри же, мама, как печально смотрит солнце...». Первым русским переводчиком Исаакяна был редактор еженедельника, приват-доцент Киевского университета А. Н. Грен¹. Видимо, он был в курсе новинок армянской поэзии, так как всего за три месяца до этого оригиналы названных произведений Исаакяна впервые были напечатаны в армянском журнале «Мурч» (Тифлис, 1899, № 7—8). Сегодня переводы А. Н. Грена могут показаться и архаичными, и наивными, но они представляют особую литературную ценность как «первые ласточки» поэзии Исаакяна в мире искусства русского перевода.

В 1900—1904 гг. стихотворения Исаакяна стали появляться на страницах популярных русских журналов: «Образование», «Живописное обозрение», «Вестник иностранной литературы», «Детское чтение». «Нива» в переводах Ап. Коринфского, К. Горбунова, Ив. Белоусова, Е. Нечаева.

Благодаря этим переводам имя Исаакяна уже в самом начале века стало известно в России, и все большее число новых поэтов-переводчиков обращалось к его творчеству. В то же время русская критика, которая только начинала знакомиться с Исаакяном, еще не имела ясного представления о творчестве поэта и во многом была склонна связывать имя Исаакяна с творчеством новых европейских поэтов, особенно символистов. Эта тенденция намечается в первом же отзыве об Исаакяне. Крупный исследователь армянской литературы Ю. А. Веселовский писал: «Известное количество стихотворений в народном духе мы найдем и у молодого поэта Ав. Исаакяна, выпустившего в 1898 году в Александрополе свой сборник «Песни и раны». В некоторых своих вещах он необыкновенно удачно схватывает характерные особенности народных песен и поэзии ашугов, употребляет их любимые обороты и эпитеты. С другой стороны, тот же Исаакян до известной степени находится под влиянием современных западноевропейских поэтов, между прочим—символистов»².

Исаакян, который уже был знаком с некоторыми образцами переводов своих стихотворений, опасался, что характер его поэзии, как и поэзии его друга, переводчики не сумеют передать. Эти опасения он выразил в письме к Ов. Туманяну от 12 декабря 1902 года в связи с предстоящим выходом сборника «Современные армянские поэты»: «В Москве издается переводной сборник нашей поэзии, посмотрим, что из этого получится, я не питаю надежды, что выйдет нечто удачное.— колорит, самобытность вряд ли могут быть сохранены, особенно относительно наших с тобой произведений»³. Подобные сомнения у него, в первую очередь, вызывали

¹ А. Н. Грен был одним из пропагандистов армянской литературы, поэтом-переводчиком; о нем журнал «Мурч» (1900, № 2) писал: «В России можно было бы вспомнить и приват-доцента Киевского университета Грена, который имеет в программе своей газеты «Азия» и новоармянскую литературу...».

² Ю. А. Веселовский. Армянская поэзия XIX века и ее происхождение.— Русская мысль. 1901. № 12, с. 123.

³ Аветик Исаакян. Собрание сочинений в 6-и томах. Т. 6. Ереван, 1979, с. 43.

инициаторы и составители сборника Аракел Микаэлянц (Дервиш) и Лев Уманец—энтузиасты, бескорыстные пропагандисты армянской литературы, не имеющие однако должного редакторского опыта.

Сборник «Современные армянские поэты» вышел в свет в Москве в декабре 1902 года (на книге указан 1903 год). Кроме стихов Исаакяна, в книге были даны подборки стихов И. Иоаннисяна, Ов. Туманяна, Ал. Цатуряна, Л. Манвеляна. Каждая подборка сопровождалась кратким очерком А. Микаэлянца о жизни и творчестве данного поэта. Исаакяновская подборка была одной из самых обширных—29 стихотворений, из которых почти половина была переведена Львом Уманцем.

Говоря коротко о переводах Л. Уманца, надо, к сожалению, признать, что у него больше неудач, чем удач. В некоторых случаях кажется, что читаешь переводы из поэзии И. Иоаннисяна или Ал. Цатуряна, а не Исаакяна. Раскованность, легкость поэтического языка Исаакяна не давалась Л. Уманцу: строка неестественно удлинялась, приобретая сугубо повествовательные оттенки. Поэтическая непосредственность выражения превращалась в утомительную сентиментальность:

Из мрачных, черных туч, тяжелых сердца туч
Текут потоки слез на страждущую грудь.
Блеснет ли вдалеке отрядный, светлый луч?
Куда лежит мой путь,—тяжелый, мрачный путь?...⁴

Савва Головачевский в своих пяти переводах из Исаакяна по инерции преподносит читателю поэта мрачного, отчаявшегося:

Пускай же, родная, горят мои раны!
Позволь мне стонать и скорбеть безнадежно,
Ты к жизни уж сына, увы! не вернешь.
Ты дать мне не можешь луч солнца, и звезды,
И молнию в душу мою ты не бросишь,
И жизни не можешь ты мне возвратить...⁵

Конечно, цитированные строки и в подлиннике не звучат радужно-оптимистически, но грусть Исаакяна—это грусть народной песни, исходящей из сердца не изверившегося.

К сожалению, и остальные переводчики сборника М. Свободип, Ив. Белоусов, В. Гиляровский, Н. Климова, отчасти и Ал. Коринфский не сумели представить русскому читателю подлинный облик поэзии Исаакяна. Помимо переместившихся акцентов, в их переводе пропала и необыкновенная мелодичность исаакяновского стиха, свежесть и естественность образов, лаконичность. Исаакян предстает нарочито усложненным или же попросту высокопарным поэтом. Кстати сказать, эти неудачные переводы схожи друг с другом: порой трудно отличить стиль одного переводчика от другого. Видимо, особое свойство поэзии Исаакяна—редкостное сочетание философской лирики с формами народных песен становится своеобразным барьером для многих переводчиков. Хотя многие переводы лишь отдаленно представляли творчество Исаакяна, сборник «Современные армянские поэты»⁶ все же сыграл свою роль в формировании традиции русских переводов Исаакяна.

Позднее в 1906 г. переводы стихотворений Исаакяна были опубликованы в поэтических сборниках «Мене текел фарес» Саввы Головачевского⁷ и «В лучах мечты» Аполлона Коринфского⁸—его ранних русских переводчиков, а также—в книге «Сов-

⁴ Современные армянские поэты. Под ред. Л. Уманца и А. Дервиша, М., 1903, с. 91.

⁵ Там же, с. 95.

⁶ См. рец. Ник. Ашешова на этот сборник: «Образование», СПб., 1903, № 11.

⁷ С. Головачевский. Мене текел фарес. Стихотворения. Обложка и заставки Вардгеса Суренянца. М., 1906.

⁸ А. П. Коринфский. В лучах мечты. Стихотворения 1898—1905 гг. СПб., 1906.

ременная армянская литература»⁹, куда три из них вошли в переводах Л. Уманца и С. Капанакова.

1907 год стал важной вехой в деле русских изданий Исаакяна. В начале года в Москве вышел в свет сборник «Армянская муза»¹⁰ с большой подборкой стихотворений Исаакяна, а затем и его первая отдельная книга лирики в переводе на русский язык—«Цветы Араза»¹¹.

«Армянскую музу» составляли и редактировали известный русский ученый-арменовед Ю. А. Веселовский и профессор Г. А. Халатьянц. Книга была издана на высоком полиграфическом уровне. Ее открывала статья Юрия Веселовского «Несколько слов о новой армянской поэзии», в которой подчеркивалась мысль об исключительной роли национальной поэзии в истории армянского народа.

Три стихотворения Исаакяна для сборника «Армянская муза» перевел русский поэт Эллис (Кобылинский Л. Л.), известный как один из теоретиков символизма, переводчик Бодлера и Верхарна. Естественно, что Эллис хотел бы видеть в Исаакяне прежде всего символиста.

Одно стихотворение в сборнике «Армянская муза» переведено самим Ю. Веселовским, чей перевод может служить классическим примером того, как созданное в духе народной поэзии произведение может быть превращено в образец поэзии европейского символизма.

Среди переводов Исаакяна, входящих в «Армянскую музу», подлинно творческим достижением следует считать перевод Ивана Бунина «Моя душа объята тьмой полночной...». Свой единственный перевод из Исаакяна (из армянской поэзии им еще переведено стихотворение Ал. Цатуряна «Мрачна, темна душа моя...») он выполнил по просьбе Ю. Веселовского, о чем свидетельствует письмо последнего к Бунину, написанное в пору подготовки сборника: «Я буду очень рад, если Вы не откажетесь перевести для задуманной мною хрестоматии это маленькое стихотворение Исаакяна. Я составил для Вас ... вполне точный дословный перевод, который дает полное понятие о подлиннике»¹². Из него явствует, что подстрочный перевод был выполнен Ю. Веселовским (как, очевидно, и все подстрочники Исаакяновского цикла). Остается только сожалеть, что Бунину тогда было предложено лишь одно стихотворение.

Бунин воспринял Исаакяна как поэта-романтика, по своим творческим устремлениям близко стоящего к Лермонтову, и тем самым нашел верный ключ для передачи Исаакяна на русском языке: принципы поэтики Лермонтова, на которого он ориентировался, в данном случае были удивительно уместны. Читая бунинский перевод, трудно поверить, что это его первая (и—увы!—единственная) попытка прочтения Исаакяна, ибо это в полном смысле слова совершенный перевод:

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомлен.
Моей душой, безгрешной, непорочной,
Владеет дивный и великий сон.

Лазурнокрылый ангел в небе реет,
На землю дева сходит, и она
Дыханьем звезд, лобзаньем неба свет
С моей души ночные чары сна.

И день, и ночь ее прихода жду я,—
Вот-вот она покинет небосклон.

⁹ Современная армянская литература. Вып. 1, М., 1906.

¹⁰ Армянская муза. Сб. под ред. Ю. Веселовского и Г. А. Халатьянца. М., 1907.

¹¹ Аветик Исаакян. Цветы Араза. Песни. Вып. 1, М., 1907. Оформление художника В. Крандиевского.

¹² ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 76.

Рассеет ночь души—и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вещий сон!¹³

Сборник «Армянская муза» имел большое значение для пропаганды армянской поэзии, а исаакяновский цикл, пусть и с некоторыми переводческими «отклонениями», сыграл немаловажную роль в деле знакомства широкого круга русских читателей с его творчеством¹⁴.

Вслед за «Армянской музой» в 1907 году в Москве вышел «Цветы Араза». Составителем книги, автором предисловия и краткого очерка «Аветик Исаакян» был тогда еще молодой, в будущем известный армянский критик и общественный деятель, Погос (Павел) Макинцян (1884—1938). В предисловии к «Цветам Араза» он критически оценивает сборник «Армянская муза», считая, что основные причины его неудачи—непродуманный «выбор материала» и низкий художественный уровень переводов. В своем вступительном очерке он характеризует Исаакяна как яркую поэтическую индивидуальность, которая в силах правдиво выразить «радости и разочарования, горести и печали» родного народа «суть армянского», как поэта, который не может оставаться равнодушным к политическим событиям своего времени: «... Исаакян не может обойти молчанием эту тьму социальных несправедливостей, гнет родного народа, участь рабочего люда, и в его поэзии отражаются отголоски народной жизни, полной горя и борьбы...»¹⁵.

Критикуя Ю. Веселовского, Л. Макинцян, как нам кажется, фактически сам повторил его ошибку—не сумел сделать правильного выбора переводчиков. Он поручил все переводы молодым поэтам Павлу Сухотину и Льву Зиллову, литераторам, не имеющим опыта переводческой работы. Правда, в «Цветам Араза» мы не найдем тенденции «преобразовывать» Исаакяна в символиста, в певца сумерек и «утраченных грез». Но переводам П. Сухотина и Л. Зилова были присущи тенденции не менее ошибочные: первая—стремление придать тексту черты, характерные в большой степени русским крестьянским песням, с обильным использованием русизмов; вторая—стремление «инструментировать» стихи в духе модных в то время декадентского типа «вечерних романсов» или же псевдостоличных «русских газелей» (выражение В. Брюсова).

Вот типичный пример стилизации и русифицирования подлинника в переводе П. Сухотина:

Девушка милая, коли б я вдруг обернулся землей,
Чем бы ты стать пожелала?
Молодец ясный мой, стала б тогда я зеленой весной,—
Всем бы тебя украшала!¹⁶

Замечательное стихотворение Исаакяна о возвышенной романтической любви «В тихом саду...» в переводе Л. Зилова превращается в душещипательный романс, популярный у завсегдатаев офицерских застолий:

...Льнет ко мне шелк—ткань в переливах огней,
Кто-то дохнул, жарко дохнул... То—она!..
В жгучей тоске обнял я гордую грудь.
В море волос запахом дразнит волна!¹⁷.

Итак, для сегодняшнего читателя «Цветы Араза»—это, прежде всего, литературно-библиографический факт. Эти переводы в дальнейшем не вошли в большую

¹³ Армянская муза, с. 135.

¹⁴ См. рец. на сборник в журнале «Вестник Европы», 1907, № 3, с. 354—357, подписанную инициалами Евг. Л[яцкий].

¹⁵ Цветы Араза, с. IX.

¹⁶ Там же, с. 18.

¹⁷ Там же, с. 5.

литературу. Но при всем том сборник—один из этапов в трудном, длительном процессе становления «русского Исаакяна».

* * *

В летописи армянской литературы нового времени 1916 год был ознаменован выходом в свет брюсовской антологии «Поэзия Армении»¹⁸ и горьковского «Сборника армянской литературы», ставшими важными вехами в истории культурных связей Армении и России.

Вначале о «Поэзии Армении»¹⁹. Работу по созданию первой русской антологии армянской поэзии по просьбе Московского Армянского комитета возглавил выдающийся русский поэт Валерий Брюсов. Он по своей инициативе привлёк к работе над антологией таких поэтов, как А. Блок, К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб и др. Благодаря усилиям Брюсова, его титанической работоспособности сравнительно за короткий срок была создана антология «Поэзия Армении», имевшая огромное художественное и общественно-политическое значение.

В «Поэзии Армении» впервые достойным образом было представлено творчество Исаакяна, получившее высокую оценку Брюсова. В предисловии к антологии он писал: «Ввиду особенно важного значения поэзии Иоаннисяна, Туманьяна и Исаакяна для всей современной армянской литературы, в нашем сборнике их творчество представлено исключительно полно. Эти три поэта составляют наиболее яркое «трехзвездие» на небе армянской литературы, и ее исторические пути лежат через деятельность этих трех писателей. Дальнейшее развитие армянской поэзии должно быть,—и так оно есть в действительности,—частью развитие начал, заложенных ими, частью преодоление поставленных ими пределов»²⁰.

Настоящий «русский» Исаакян начинается именно с антологии «Поэзия Армении» и, в первую очередь, с прекрасных переводов Александра Блока²¹ и Валерия Брюсова.

Брюсов перевел для антологии поэму Исаакяна «Абул Ала Маари» и несколько его стихотворений: «Сорванную розу ветке не вернуть...», «Твоих бровей два сумрачных луча...», «Безвестна, безымянна, позабыта...» да еще один свой перевод стихотворения «Мне снился сон: висяя как змея...» он поместил в разделе Примечаний²².

Это яркие лирические миниатюры, навеянные мотивами классической поэзии Востока, столь близкой сердцу Брюсова, который в переводе прекрасно сочетал восточный дидактизм с высоким слогом русской поэзии.

Замечателен его перевод стихотворения «Безвестна, безымянна, позабыта...», близкого лирико-философским произведениям русской классической поэзии с мотивом бренности человеческой жизни и вечности природы.

Благодаря мастерству Брюсова перед русским читателем раскрывается философский характер поэзии Исаакяна:

Безвестна, безымянна, позабыта
Могилы есть в безжизненной степи.
— Чей пепел тлеет под плитой разбитой,
Кто, плача, здесь молился: «мирно спи!»

¹⁸ Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. Ред., вступит. очерк и примеч. В. Брюсова. Оформление М. Сарьяна. М., 1916.

¹⁹ О работе В. Брюсова над антологией «Поэзия Армении» есть большая литература. Нас же в основном интересует исаакяновский раздел в антологии и роль в нем Брюсова.

²⁰ Там же, с. 80, 81.

²¹ Переводам Блока из Исаакяна была посвящена отдельная статья автора.—См.: А. В. Исаакян. Исаакян и Блок.—Историко-филологический журнал, 1983, № 4.

²² Свои переводы стихотворений Исаакяна: «Сорванную розу ветке не вернуть...» и «Безвестна, безымянна, позабыта...» Брюсов до выхода антологии напечатал в московском журнале «Огонек», 1915, № 40, с. 9.

Немой стопой столетия проходят;
Вновь жаворонка песнь беспечна днем,
Вновь ветер волны травяные водит...
— Кем был любим он? Кто мечтал о нем?²³

Особенно удачным переводом из лирических миниатюр Исаакяна следует считать перевод «Твоих бровей два сумрачных луча...», где Брюсову удается ярко и красочно передать восточные мотивы подлинника:

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача.

Все в мире—призрак, ложь и суета,
Но будь дано испить твои уста,
Их алое вино,—
Я с радостью приму удар меча:

Твоих бровей два сумрачных луча
Изогнуты, как меч у палача²⁴.

Еще одно стихотворение перевел Брюсов для антологии, но это же стихотворение до него переводил Блок. Нельзя не отдать должное объективности Брюсова-редактора: увидев, что перевод у Блока получился лучше, он отдал первенство Блоку, поместив «Я увидел во сне: колыхаясь, висясь...» в основной текст «Поэзии Армении», а свой напечатал в разделе Примечаний.

В переводе стихотворения «Мне снился сон: вися как змея...» Брюсов очевидно слишком увлекся внешним образом каравана, передачей чисто формальных сторон, ритма каравана, в результате чего в определенной степени отделился от оригинала.

Между тем у Блока акцент стоит на раскрытии духовной драмы лирического героя, образ же каравана является не самоцелью, а лишь одним из компонентов всего художественного строя стихотворения.

Мы вправе думать, что Брюсову был дорог собственный перевод—это был единственный случай в антологии, когда он полностью привел в тексте оба перевода одного стихотворения.

Во время работы над антологией Брюсов перевел и стихотворение Исаакяна «Внемлите все тоске моей...», но включил в «Поэзию Армении» перевод Вяч. Иванова «Гнацинту ли нагорий...», в котором чувствуется некоторая стилизация. Свой же перевод Брюсов по неизвестным нам причинам нигде не публиковал. Обнаружила его в архиве поэта и впервые прочла на вечере Исаакяна в Москве 19 мая 1941 г. вдова поэта И. М. Брюсова, а в 1956 г. автор многих работ о В. Брюсове Камоар Григорьян впервые опубликовал его в армянской литературной газете «Гракан терт». В брюсовском переводе мастерски передана чуждость стихотворения Исаакяна:

Внемлите все тоске моей!
Ты, гнацинт! Вы, розы гор!
В саду поющий соловей
И ветры, бьющие простор!

Померкло небо, нет земли.
Бездомен, нищ, рыдаю я!
Яр увели, джан увели,
Навзрыд, навзрыд рыдаю я...²⁵

Но подлинной вершиной переводческого искусства Брюсова следует считать перевод поэмы «Абул Ала Маари». Многие идеи поэмы были созвучны и мироощущению

²³ Поэзия Армении, с. 378.

²⁴ Там же, с. 378.

²⁵ «Գրական Քերթ», 1956, № 36, սեպտեմբերի 30.

самого Брюсова—это идеи отрицания «старого мира», общественных устоев, основанных на материальных благах, идеи борьбы одинокой личности со своим окружением, разрыв с ним и т. д.

Брюсов воспринял поэму не как историческое произведение об арабском поэте X—XI вв., а как современную, глубоко философскую исповедь о чаяниях и надеждах человечества, адресованную, в первую очередь, читателю XX века. Брюсов писал об образе Абул Ала Маари: «В этом символе поэт, конечно, изображает и себя самого, но и многих других, как (своих) современников, так и людей прошлого и будущего»²⁶. Он рассматривал поэму как одно из совершенных поэтических произведений своего времени и в своей полемической переписке с известным ученым-арабистом академиком Н. Ю. Крачковским²⁷, и в своих «Лекциях об армянской литературе», где назвал поэму «поистине великолепной, одним из прекраснейших созданий всей вообще всемирной литературы последних десятилетий»²⁸.

Необходимо сказать, что одновременно Брюсов видел в поэме черты и настроения, характерные для столь близкой ему поэзии символизма. Во вступительной статье к «Поэзии Армении» он писал: «Благодаря сближению с европейскими литературными кругами Исаакян испытал воздействие того «символистического движения», которое властно захватило всю европейскую литературу в конце XIX в., хотя, впрочем, оно отразилось на творчестве армянского поэта только в своих основных чертах, скорее как мировоззрение, чем как литературная программа... Другую половину в творчестве Исаакяна образуют его рефлексивные стихотворения и его большая поэма «Абул Ала Маари», в которых особенно явно сказывается влияние символистского периода литературы»²⁹. В «Лекциях об армянской литературе» он также писал: «В своих позднейших созданиях Исаакян возвышается до истинных символов, обнимающих в одном образе богатое многообразие явлений. Такова, например, его поэма «Абул Ала Маари»»³⁰.

Из всех поэтов и критиков, пытавшихся сблизить творчество Исаакяна с символизмом, несомненно, самым авторитетным был Брюсов—прекрасный знаток мировой поэзии и теоретик символизма. Но несмотря на его суждение, можно смело утверждать, что Исаакян, долгие годы проживший в Западной Европе и блестяще знавший поэзию европейского символизма (и в равной мере другие литературные направления), все же в своем творчестве, в основном, не был под влиянием символистской поэзии. Исключение составляют лишь некоторые стихотворения раннего периода. Символизм как мировоззрение и как художественное направление не был близок Исаакяну. Годы спустя в одном из своих писем (12. II. 1925 года) Исаакян писал: «...с того дня, когда я жил в Константинополе, я критиковал символизм некоторых западноармянских литераторов и их заимствования из французской литературы. Дело в том, что если я или Ов. Туманян обращались к армянским народным стилям и формам, то делали это с целью развивать истинно национальную литературу».

Но как это ни парадоксально, поэма «Абул Ала Маари», переведенная самим Брюсовым, в конечном счете выглядит вовсе не как символистское произведение. Брюсов при переводе стремился быть максимально близким к подлиннику, выразить дух оригинала, придерживаясь тех правил, которые он сам (в качестве руководителя редакции) сформулировал в разделе «Задачи издания»: «Нашей конечной, идеальной целью было получить, на русском языке, *точное воспроизведение оригинала* в такой

²⁶ Лекции об армянской литературе. См. Отдел рукописей Гос. библиотек СССР им. В. И. Ленина, ф. 386, 51, ед. хр. 1, л. 50. Далее: ОР ГБЛ.

²⁷ См. подробнее: К. Н. Грингорьян. Переписка академика И. Ю. Крачковского с В. Я. Брюсовым в связи с русским переводом поэмы Исаакяна «Абул Ала Маари». — Известия АН СССР, отд. литературы и языка, т. XVII, вып. 6, 1958, с. 547—554.

²⁸ См.: ОР ГБЛ, там же.

²⁹ Поэзия Армении, с. 79, 80.

³⁰ См.: ОР ГБЛ, там же.

иере, чтобы читатель мог *доверять* переводам и быть уверен, что по ним он знакомится с созданиями *армянских* поэтов, а не *русских* переводчиков. В частности, мы считали, что стихотворный перевод должен не только верно передавать содержание оригинала, но и воспроизводить все характерные отличия его формы». ³¹

В соответствии с этими принципами он и выполнил свой перевод, который может считаться образцом адекватной передачи оригинала. Профессиональное мастерство и добросовестность художника взяли верх над его личными пристрастиями и вкусами. Иначе говоря, практика, то есть живой творческий процесс перевода, опровергла теорию—концепцию Брюсова о принадлежности Исаакяна к тому или иному литературному направлению. В итоге Брюсов создал перевод, который гораздо ближе романтическому духу подлинника, нежели к поэтике символизма. При этом ему удалось передать не только содержание подлинника, но и «характерные отличия» поэтики Исаакяна.

Упоная на одно лишь вдохновение, передать столь сложное в философском и в лексическом плане произведение в иной языковой структуре, конечно, невозможно. Здесь необходима была огромная, кропотливая работа. Ведь вся поэма имеет монолитную структуру. Как бы параллельно шествию каравана, с каждой новой строкой, с каждым новым образом перед нами разворачивается монолог поэта, его глубокие размышления о жизни и призвании человека (причем, художественными компонентами здесь становятся и исповедь, и внутренний монолог, и поток сознания героя), исполненный с высочайшим накалом духовных сил, что как бы подтверждает слова Достоевского: «В поэзии нужна страсть... и непременно указующий перст, страстно поднятый».

Автор поэмы держит читателя в постоянном напряжении, все художественные средства поэмы нацелены на это. И Брюсову удалось воссоздать это магическое воздействие авторской мысли, столь властно охватывающее всю структуру произведения.

Благодаря Брюсову поэма Исаакяна приобрела в России известность и любовь читателей и со временем вошла в золотой фонд искусства русского перевода.

В брюсовскую антологию вошли также переводы из Исаакяна, выполненные поэтом Вячеславом Ивановым, которые, в отличие от переводов Блока и Брюсова, в большей мере характеризуют самого переводчика, нежели автора.

Вяч. Иванов в начале века был широко известен и как поэт-символист, и как историк литературы, ведущий теоретик «русского символизма».

Почти все стихотворения Исаакяна, выбранные Вяч. Ивановым для перевода, принадлежат к произведениям народно-фольклорного типа. Здесь мы имеем дело с поиском нового материала для выражения художественных принципов самого поэта-переводчика. Переводы Вяч. Иванова стоят на пересечении фольклорных и символистских традиций, и это не случайно. Для Вяч. Иванова, представителя «младших символистов», было характерно тяготение к славянской старине и народным формам русского поэтического искусства; этим он как бы противостоял декадентству «старших символистов». И его обращение к Исаакяну—это, одно из проявлений лелеемого им замысла создания «всенародного искусства большого стиля». Здесь подлинник Исаакяна—лишь исходная точка, благодатный материал для поисков новых средств выражения «народной души» поэтом-переводчиком.

Переводя балладу «Скиталец-сын», Вяч. Иванов изменил почти все исаакяновские образы, перевод насыщен лексическими средствами, интонациями, свойственными поэзии Вяч. Иванова: обилие необычных инверсий, архаизмов славянского происхождения, исключительно ивановских неологизмов и т. д. То же самое можно сказать и о переводе исаакяновского стихотворения «Эй, отчизна-джан, как прекрасна ты...».

В двух остальных переводах: «Гнацинту ли нагорный...», «Зверолов, оленьим следом...» мы не наблюдаем столь резкого расхождения с подлинником. Хотя и здесь

³¹ Поэзия Армении, с. 15—16.

есть немало произвольных добавлений, русизмов, но при этом сохранена мелодичность, песенность стихотворений Исаакяна, их неподдельная грусть.

Увлечшись Исаакяном, Вяч. Иванов создал еще три перевода-подражания: «Отгадница», «На чужбине» (в основном тексте это стихотворение дано в переводе Блока) и «Ожидание»; Брюсов представил их в разделе Приложения.

Вяч. Иванов, безусловно, показал творческий подход к поэзии Исаакяна, но, как нам кажется, эти переводы прежде всего более ценны для исследователей творчества самого Вяч. Иванова, чем Исаакяна.

«Поэзия Армении» вышла в свет в разгар войны, и Исаакян, находясь тогда в эмиграции в Женеве, ознакомился с книгой лишь в феврале 1917 года. Антология доставила поэту-изгнаннику, жившему в одиночестве в далекой Швейцарии и трагически переживавшему известия о геноциде армян, редкие минуты счастья. Он увидел наконец свою поэзию в достойных переводах, выполненных такими известными мастерами русской поэзии XX века, как Блок и Брюсов.

Ему стало ясно, что судьба культуры Армении, ее духовные богатства небезразличны выдающимся деятелям русской культуры, которые в дни величайшей трагедии армянского народа оказали ему огромную нравственную поддержку, издав антологию «Поэзия Армении».

* * *

«Сборник армянской литературы» под редакцией Максима Горького вышел в свет в Петрограде чуть раньше брюсовской антологии, в конце апреля 1916 г.

Во вступительной заметке «От издательства» говорилось: «Сборник Армянской литературы» посвящен творчеству русских армян и составлен по плану армянского поэта Ваана Териана при сотрудничестве г. г. П. Н. Макинцiana и Л. А. Калантара. Кроме того издательство получило ценные указания со стороны В. Я. Брюсова и проф. Ю. Веселовского»³². И хотя здесь имя Горького не подчеркивается особо, однако было хорошо известно, какую большую работу проделал он по составлению этого сборника. Горький привлек к работе известных переводчиков, обратился с предложениями о сотрудничестве к Блоку и Бунину, вел переписку и переговоры с писателями, принимавшими участие в создании сборника, следил за ходом выполнения переводов, редактировал лично большинство из них и т. д. Благодаря Горькому, его активной организационной деятельности в трудные дни истории Армении была создана книга, дающая широкое представление о новой армянской литературе конца XIX—начала XX вв.

Большому значению книги, безусловно, способствовали также помещенные в ней статьи-исследования «Армянский народ в России» Давида Анануна и «Очерк армянской литературы» Погося Макинцiana.

Исаакян был представлен пятью переводами Блока (причем, эти переводы не повторяются в «Поэзии Армении»), известным переводом Бунина, переводом Эллиса (из книги «Армянская муза»); и еще по стихотворению специально для этого сборника перевели К. Бальмонт, В. Брюсов, М. Шагнiян, Ю. Верховский, Е. Высгазкина и Л. Зилов.

Напечатанный здесь либр переводов Блока стал фактически первой публикацией исаакяновских переводов великого русского поэта в отдельной книге.

Впервые в горьковском сборнике в качестве переводчика Исаакяна выступил крупный русский поэт и переводчик Константин Бальмонт. Он перевел известное стихотворение Исаакяна «Колокол свободы». Выбор этого стихотворения Бальмонтом не случаен: известно, что в период первой русской революции Бальмонт увлекся революционными настроениями и в 1905 году в Париже издал сборник стихов «Песни мстителя», вследствие чего был вынужден несколько лет, вплоть до 1913 г., жить как политэмигрант в странах Западной Европы и Востока. Стихотворение «Колокол

³² Сборник армянской литературы. Петроград, 1916, с. III.

свободы» (Бальмонт озаглавил его «Колокол воли») было созвучно былым мятежным настроениям поэта-переводчика. В 1915 году, когда был создан перевод, он уже отошел от революционных идей и всецело был увлечен эстетическими поисками новых форм в искусстве. Художественные средства перевода типичны для поэзии Бальмонта. Здесь и экзотическое восприятие действительности и природы, и неожиданная внутренняя рифмовка стиха, излишняя вычурность, отчасти и некоторая хаотичность образов. В то же время его перевод отличается высокой музыкальностью, виртуозной техникой. Поэту удалось передать сложную в композиционном отношении структуру стихотворения, масштабность образов, богатство метафор:

О, Колокол Воли, гуди из лазури,
От горных высот, от Кавказских громад,
Греми как гроза, как гудение бури,
Чтоб гордый тебя услышал Арарат.

Могучес слово бунтующей мести,
Свой гнев расширяй, как враждующий стан,
Народам неси веселящие вести,
Чтоб грозный союз был как стяг златоткан...³³

В дальнейшем Бальмонт к поэзии Исаакяна не обращался, и это вполне закономерно: идейные взгляды и творческие принципы этих поэтов были совершенно разными.

В «Сборнике армянской литературы» Горький поместил брюсовский перевод стихотворения Исаакяна «Как с громом тучи выплыли в простор...», хотя он располагал и блоковским переводом того же стихотворения («Словно молнии луч, словно гром из-за туч...»). Драматическая история гибели армянского гайдука передана Брюсовым в эпическом стиле, с полным пониманием оригинала. В его переводе, как, впрочем, и в переводе Блока, чувствуется эмоциональное сопереживание герою, боль и грусть за несбывшиеся надежды:

Как с громом тучи выплыли в простор,
Так я пошел, с тяжелым сердцем, в бой;
Как облака чрез те уступы гор,
Ушел и я, сестра, простясь с тобой.

Ах, не ищи, где милый твой, сестра,
Среди пришедших с битвы молодцов:
Примчится конь, с уздой из серебра,
Но, одинок, заржет он средь лугов!

Ах, не ищи, где милый твой, сестра,
Среди друзей веселых, на пирах.
Повеет ветром черная гора,
Засыплет пылью мой безмолвный прах!

И матери чужие посетят
Мою могилу, окропят слезой;
Меня чужие сестры навестят
И розы будут сыпать надо мной...³⁴

Это подлинный Исаакян, тот Исаакян, которого невозможно переосмыслить, истолковать как символиста, поэта «сумерек и разочарований». Это именно тот большой народный поэт—один из тех, кто должен донести до мира сокровенные стремления и надежды своего народа, его национальный дух.

³³ Там же, с. 199—200.

³⁴ Там же, с. 197.

И у Брюсова, и у Блока переводы этого стихотворения конгеннальны. Трудно отдать предпочтение одному из них, оба перевода—это образцы глубокого прочтения подлинника, оба замечательны, каждый по-своему. Составители русских сборников Исаакяна и по сей день затрудняются в их выборе, так что в одних русских изданиях печатается перевод Блока, в других—Брюсова.

Наряду с «Поэзией Армении», «Сборник армянской литературы» явился ценным изданием, привлечшим внимание широких кругов русских читателей к армянской литературе, к армянской истории.

Кроме того в течение 1915—1917 гг. были изданы новые переводы Исаакяна в различных поэтических сборниках, составленных не профессиональными литераторами-переводчиками, а поэтами-любителями, пропагандистами армянской литературы.³⁵ Все эти переводы не отличались ни поэтическим мастерством, ни новым интересным прочтением поэзии Исаакяна.

В 1916—1917 годы произведения Исаакяна часто печатались на страницах московского журнала «Армянский вестник» в переводах А. Глобы, С. Зарова, Ю. Верховского, Вяч. Иванова, С. Пирвердиева, Цолака, К. Степачяна. Здесь же впервые напечатаны и образцы художественной прозы Исаакяна—легенды «Непобежденный Калыф» и «Спор Омар Хайяма с богом» (в переводах Цолака).

Такова в основных чертах история становления русских переводов поэзии Исаакяна дооктябрьского периода.

Первой книгой Исаакяна на русском языке, изданной в советские годы, стала поэма «Мгер из Сасуна». В конце 30-х годов Гослитиздат поручил перевод поэмы Мариэтте Шагинян. Узнав об этом, Аветик Исаакян в письме от 3 февраля 1939 года к своему давнему другу, переводчику Якобу Хачатрянцу пишет: «Я очень рад и тому, что Гослитиздат поручил Мариэтте перевести моего «Мгера». Думаю, что Мариэтта, человек широкой эрудиции, тонкого и глубокого ума, поймет мою концепцию и по возможности адекватно донесет ее до русского читателя. Верю в ее успех и прошу, чтобы она взялась за дело со всей душой».³⁶

К сожалению, по неизвестным причинам М. Шагинян не осуществила свой перевод, и эту работу поручили поэту Константину Липскерову, известному переводчику поэзии Востока, в частности, Низами. Прекрасный знаток фольклора и поэзии Древнего Востока, он принялся за дело с особой любовью, так как был поклонником поэзии Исаакяна.

Перевести поэму Исаакяна, написанную в духе народного эпоса, с необычной для русского стиха рифмовкой, со специфическими, характерными для сасунского диалекта словами и выражениями, и в то же время необыкновенно богатым армянским литературным языком, было нелегкой задачей. Липскерову в целом удалось остаться верным духу эпоса, его поэтике, и в то же время не скопировать стиль и ритм народного эпоса, а передать те самобытные черты, которые были характерны именно для исаакянцевской обработки ветви эпоса о Мгере Младшем.

Поэма Исаакяна написана как бы на одном дыхании, могучим порывом, что обуславливает ее бурный ритм.

Липскеров сделал добротный перевод, стремясь остаться максимально верным подлиннику, его художественной специфике, стремясь передать бурный натиск исаакяновских строк не в застывших образах, а в едином ритме, в динамике развития:

Слышит в пещере Мгер:
Пылающих кличей тысячи тут!

³⁵ Именно к разряду таких книг относятся поэтические сборники: Н. Е. М. (Ник. Реулло). Переводы из армянских поэтов. Саратов, 1916; С. Пирвердиев. Аветик Исаакян. Дереник Демирджян, Георг Африкян. Переводы избранных стихотворений. Александрополь, 1917; Армянские поэты в переводах С. Я. Шарты. Тифлис, 1917.

³⁶ Аветик Исаакян. Проза. Ереван, 1975, с. 469.

Тут к смертному бою зовы зовут!
 Десницу железную выпрямил Мгер,
 Безмерно възграло сердце его,
 Грозно заржал конь огневой,
 До основ потрясли они мир земной,
 И рассекли скалы они.
 Молнии быют с меча Авлуни.
 Ужас рождают, срывают они
 Пути, затворы; затворов—уж нет:
 Мгер появился, вышел на свет.³⁷

В 1939 году Гослитиздат запланировал издать книгу «Избранных стихотворений» Исаакяна и заказал переводы многим русским советским поэтам и переводчикам, в том числе Б. Пастернаку, Н. Тихонову, В. Державину, К. Липскерову, В. Звягинцевой, П. Антокольскому, Ю. Верховскому, М. Шагинян и другим. А иллюстрации для книги были заказаны народному художнику Армении Мартirosу Сарьяну (сарьяновские иллюстрации во время войны пропали). Материалы этой книги—издательские листы—хранятся ныне в ЦГАЛИ.

Но грянувшая война изменила эти планы, и долгожданная книга поэзии Исаакяна вышла в свет в начале победного 1945 года. Книгу подготовила к печати и написала к ней предисловие С. М. Хитарова, которая и в последующие годы многое сделала для пропаганды творчества Исаакяна. Наряду со ставшими уже классическими переводами Блока и Брюсова, сюда вошел ряд новых переводов, выполненных Б. Пастернаком, Вс. Рождественским, С. Шервинским, В. Звягинцевой, К. Липскеровым, В. Державиным, Т. Спендларовой, С. Мар, Б. Садовским.

Особо хотелось бы остановиться на переводах такого крупного русского поэта XX века, как Борис Пастернак. Как свидетельствует С. М. Хитарова, он начал переводить Исаакяна по собственной инициативе. Из его вошедших в сборник семи переводов четыре им были выполнены еще в 1939—1940 гг. и опубликованы в журнале «30 дней» (1940, № 5—6) и в альманахе «Дружба народов» (1940, № 5).

Характерно, что Пастернак выбрал для перевода такие стихотворения Исаакяна, которые перекликались с его собственными душевными переживаниями. В одном из них звучит скорбь одинокого и оскорбленного человека, его стенания «в этом мире смерти и тревог», когда лирический герой зовет себе в товарищи «одинокого волка». Другое—о любви, которая не находит отклика—«Как я, стучится ветер в дверь твою, но, как ко мне, глуха ты к урагану». В третьем—неколебимая вера художника в стойкость творческого духа, в извечную красоту мира, природы, озаряющую жизнь художника.

Да, во многом Пастернаку были близки и душевное состояние Исаакяна, и его поэтическая символика. Пастернак в процессе перевода, преломляя сквозь призму своего поэтического «я» образы поэзии Исаакяна, создает произведения, которые, с одной стороны, несут печать его поэтического стиля, проникнуты его творческим темпераментом, а с другой, представляют собой по сути подлинного Исаакяна.

Пастернаковские переводы, если и непохожи в чем-то по внешнему рисунку или с точки зрения буквального соответствия на исаакяновский подлинник, то по своей поэтической «плоти», энергии строк, характеру рифмовки являются созвучными и адекватными оригиналу. И мы вновь убеждаемся в том, что даже у такого большого мастера художественного перевода, как Пастернак, подлинные поэтические достижения возникают тогда, когда подлинник близок, созвучен личностному и художественному складу поэта-переводчика, ибо подлинный художник и в процессе перевода никогда не становится рабом оригинала, а, исходя из него, творит в иной языковой структуре истинную поэзию.

³⁷ Аветик Исаакян. Избранные сочинения. В 2-х т. Т. 1, М., 1956, с. 289—290.

Переводы Пастернака, до сих пор не оцененные по достоинству, открыли новые горизонты в русском прочтении Исаакяна. Правильно почувствовав, что у Исаакяна суть не в так называемой поэтической технике, а в симфонизме поэтического строя, Пастернак стремится прежде всего передать эту внутреннюю мелодию, слитую со словом, вместе с которым звуковая ткань стиха и составляет полифоническую целостность.

Душа—перелетная бедная птица
Со сломанным бурей крылом.
А дождь без конца, и в пути ни крупички,
И тьма впереди и в былом.

Но где-то, усеявши неба покатошь,
Не ведают звезды беды,
И ты—голубая хрустальная святость
Большой путеводной звезды.

Хоть раз меня взором мирящим порадуй
И верь мне: конец мятежу.
На дно твоего непорочного взгляда
Я сердце свое погружу.

Душа—перелетная бедная птица
Без дома, без сил и без сна.
А дождь без конца, и в пути ни крупички,
Дорога ночная темна.³⁸

Благодаря новым переводам, Пастернак открывает и в своем творческом процессе новые грани возможностей. Так, в переводе «Песни Заро» из поэмы Исаакяна «Песни Алагяза» звучит необычная для Пастернака песенность и даже «восточная пылкость».

Переводя лирико-философские миниатюры Исаакяна, Пастернак проявил высокое мастерство лаконизма, сумев передать мудрую афористичность армянского поэта. Думается, что Пастернаку послужили образцом переводы Блока, и, конечно, немаловажную роль сыграла определенная творческая адекватность поэтов. Разве не характерны для Пастернака эти строки Варпета:

Глухим, неясным, призрачным порывом
Куда-то рвется существо мое.
Как мглыстой ночью моря забвенье
Лишь плеском выдает себя тоскливым,—
Душа, как сон: то есть, то нет ее.³⁹

Переводы Б. Пастернака, вошедшие в исаакяновский сборник 1945 года, заняли достойное место рядом с замечательными переводами Блока и Брюсова, выявили новые возможности передачи Исаакяна на русский язык.

Обратился к творчеству Исаакяна и его большой друг, замечательный русский поэт Николай Тихонов. В книгу «Избранные произведения»⁴⁰ впервые вошли его переводы из Исаакяна: «Эй, отчизна-джан, как прекрасна ты...», «Колокол свободы», «Вишневый цвет снегов белей...», «День великой победы»—произведения, значительные для поэзии Исаакяна. Перевод Тихонова стихотворения «Колокол свободы» удивительно целостен, он верно передает его боевой накал, могучую энергию и мятежный дух:

Свободы колокол, звучи звончей,
С кавказских гордых, ледяных вершин,

³⁸ Там же, с. 129.

³⁹ Там же, с. 72.

⁴⁰ Аветик Исаакян. Избранные произведения. М., 1952.

Пусть, как гроза ночей и горячей
Всех молний, звон к Масису долетит.⁴¹

Замечателен также перевод Тихонова одного из самых известных стихотворений Исаакяна «Эй, отчизна-джан, как прекрасна ты...», который превосходит прежние переводы этого произведения, выполненные Вяч. Ивановым, Т. Спендиаровой, в верности передачи духа подлинника, в завершенности поэтических образов.

А перевод знаменитой исаакяновской баллады «День великой победы»—это задушевное прочтение оригинала, где переводчик, следуя за автором, скупыми, мужественными штрихами воссоздает поистине великий день истории человечества.

В последнем прижизненном русском издании Исаакяна поэма «Абул Ала Маари» была представлена в новом переводе поэта Павла Антокольского.

П. Антокольский проделал трудоемкую работу, стремясь дать новое прочтение поэмы, стараясь максимально отойти от предшествующего перевода Брюсова (он даже изменил форму касыды, отказался от передачи ритма движения каравана, столь мастерски воплощенного Брюсовым). Но все же в целом перевод ему не удался. Поэма как бы распалась без того мощного стержня, который бы слил воедино всю сложную конструкцию произведения. Была потеряна и богатая образность, и необыкновенная мелодичность подлинника. Исаакян был раздосадован тем, что перевод Брюсова был заменен; по его мнению, этого делать не следовало, так как брюсовский перевод он считал классическим образцом, живущим в искусстве русского перевода как бы своей самостоятельной жизнью.

Ценным достижением издания 1956 года были новые переводы замечательной русской поэтессы Анны Ахматовой. До этого она перевела четыре стихотворения Исаакяна и еще два—из поэмы «Песни Алагяза», вошедшие в издание 1952 года. Исаакян высоко оценил мастерство Ахматовой и с радостью воспринял тот факт, что она вновь обратилась к его стихам. В целом Ахматова перевела девять стихотворений и девять лирических фрагментов из названной поэмы, «Еврейскую легенду» и басню «Осел и крестьянин». Она опиралась на опыт Блока, стремясь в поэтическом воссоздании Исаакяна максимально сохранить эмоциональное воздействие подлинника. В переводах «Певец я—птица в вышине...», «Извивается дорога...», «Шумно та звезда упала...», «Вот я какой увидел сон» Ахматова с высокой степенью совершенства передает непосредственность лирического чувства. Вместе с тем она перевела ряд стихотворений Исаакяна философского характера, в том числе и это:

С утратой того, что люблю,
Я з жизни не мог примириться,
Что властвует необходимость,
Я в жизни не мог примириться.

И мысль моя тщетно пыталась
Смирить непослушное сердце
С действительностью преходящей
Я в жизни не мог примириться.⁴²

Среди переводов Ахматовой есть глубоко драматические стихотворения, связанные с событиями, скорбными для поэта. Таковы «Мне сказали: «Давно умерла твоя мать...» (написано в день, когда поэт узнал о смерти матери, им горячо обожавшей) и «Вечной памяти С. Г. Загияна», посвященное павшему герою—первому командующему 89-ой армянской, впоследствии Таманской, дивизии.

Но подлинной творческой победой Ахматовой следует считать ее переводы из лирической поэмы Исаакяна «Песни Алагяза». Она верно восприняла исаакяновскую

⁴¹ Там же, с. 114.

⁴² Аветик Исаакян. Избранные сочинения, т. 1, с. 136.

поэму как целостный лирический цикл песен и напевов. Ее переводам в высшей степени присущи виртуозная легкость стиха, лиризм, песенность, самобытная мелодичность, в которой индивидуальные интонации Исаакяна сочетались с задушевной певучестью армянских народных песен.

Одним из последних, глубоко творческих прочтений поэзии Исаакяна стали переводы М. Дудина. Большой знаток армянской литературы и замечательный переводчик Михаил Дудин, глубоко изучив творчество Исаакяна, взялся перевести по своему выбору стихотворения поэта разных лет, создав как бы единый поэтический цикл переводов, названный «С жаворонком на плече...»⁴³. Переводы Дудина отличаются страстным лиризмом, художественной смелостью образов, полным неожиданными интонациями, присущими скорее самому поэту-переводчику. Но главным его стремлением было передать творческий порыв и философскую суть поэзии Исаакяна.

На юбилейном вечере в Большом Театре Союза ССР, посвященном столетию со дня рождения Ав. Исаакяна, 16 ноября 1975 года, Михаил Дудин выступил с речью, где с великой благодарностью вспомнил имена лучших переводчиков Исаакяна—Блока и Брюсова: «Нам легче теперь, чем Блоку и Брюсову, потому что у нас есть дорога, ими открытая. Мы берем их начало в пример для наших сегодняшних взаимосвязей, потому что знаем, что братство Поэзии есть не что иное, как прообраз братства народов, о котором мечтал светлый разум Пушкина и в которое верил до отчаяния Аветик Исаакян»⁴⁴.

Обращение М. Дудина к поэзии Исаакяна—одно из свидетельств того, что она постоянно находится в центре внимания русских поэтов и нашего времени. Только за последнее десятилетие к поэзии Исаакяна обращались Белла Ахмадулина и Давид Самойлов, Олег Шестинский и Василий Федоров, Владимир Соколов и Юнна Мориц, создавая яркие талантливые переводы, развивая великие традиции Блока и Брюсова. А это и есть лучшее доказательство того, что «древо жизни» поэзии Аветика Исаакяна остается вечно зеленеющим, вечно нужным людям.

ԻՍԱՀԱԿՅԱՆԻ ՊՈԵԶԻԱՅԻ ՌՈՒՍՆԵՐՆԵՆ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ

Ա. Վ. ԻՍԱՀԱԿՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հողվածում լուսարանվում է այն ուղին, որ անցավ Իսահակյանի պոեզիայի ուսերեն Թարգմանությունը Ա. Գրենից մինչև Ա. Բոկ, «Հայկական մուսա» և «Արագի ծաղիկները» ժողովածուներին մինչև «Հայաստանի պոեզիա» անթոլոգիան: Առանձնակի վերլուծվում են Վ. Բրյուսովի Թարգմանությունները: Ուսումնասիրվում են նաև Իսահակյանի երկերի մի շարք տակավին քիչ հետազոտված Թարգմանությունները, որոնք, սակայն, պատկանում են զարապղծի ուսական պոեզիայի այնպիսի ճանաչված հեղինակներին, ինչպիսիք են Կոնստանտին Բալմոտը և Վլադիսլավ Իվանովը: Հետհոկտեմբերյան շրջանի իսահակյանական Թարգմանությունները բնկնարանելիս մեր ուշադրությունը սեռեց ենք հիմնականում ուս սովետական անվանի բանաստեղծների՝ Բ. Պաստերնակի, Ա. Ախմատովայի, Ն. Տիտոնովի, Մ. Դուրինի կատարած Թարգմանությունների վրա, որոնք սովետահայ գրականագիտության սեռ չքի են ուսումնասիրված:

⁴³ Аветик Исаакян. С жаворонком на плече. Л., 1978

⁴⁴ Там же, с. 10.